

DOI: 10.31857/S0869049922030029
EDN: EWMXED

Оригинальная статья / Original Article

Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии¹

© И.В. ДЕМИН

Демин Илья Вячеславович, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Россия), ilyadem83@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5821-3031

В статье раскрыты возможности применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте исследований языка идеологии. Сформулированы некоторые ключевые проблемы, с которыми сталкивается современная теория идеологии. Проведено различие между языковым и метаязыковым уровнями функционирования идеологии. Для описания метаязыкового уровня использованы термины «идеологическая парадигма», «фоновая идеология», «идеологическая модель». Показано, что идеология, функционирующая на метаязыковом уровне, стремится совпасть с политическим языком, выдает себя за идеологически нейтральный язык социальной науки.

Ключевые слова: идеология, теория идеологий, семиотика, семиотика культуры, Ю.М. Лотман, семиотика идеологии, политический язык, метаязык

Цитирование: Демин И.В. (2022) Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922030029, EDN: EWMXED

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Funding. The article was prepared with support from the Grants Council of the President of the Russian Federation, Project MD-2252.2021.2 “The Political Language of Russian Conservatism: A Cultural and Semiotic Analysis”.

The Methodological Significance of Lotmans' Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideology

© I. DEMIN

Илья В. Демин, Samara National Research University (Samara, Russia), ilyadem83@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-5821-3031

Abstract. The article reveals the possibilities of using the conceptual and methodological innovations and the terminological apparatus of the Yu. Lotmans' semiotics of culture in the context of studies of the language of ideology. Some key problems that the modern theory of ideology faces are formulated. The author makes a distinction between the linguistic and metalinguistic levels of functioning of ideology. To describe the metalinguistic level, the article uses the terms "ideological paradigm", "background ideology" and "ideological model". It is shown that functioning of ideology at the metalinguistic level tends to coincide with the political language, it pretends to be the ideologically neutral language of social science.

Keywords: ideology, theory of ideologies, semiotics, Yu. Lotman, semiotics of culture, semiotics of ideology, political language, metalanguage

Citation: Demin I. (2022) The Methodological Significance of Lotmans' Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideology. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922030029, EDN: EWMXED

В последние десятилетия семиотический подход все шире распространяется в исследованиях общества и культуры, что позволяет говорить о семиотическом повороте в социально-гуманитарных науках (см. [Семиотический... 2018]). Области политической философии, политической социологии и политической лингвистики, к которым традиционно относят исследования идеологии, также затронула данная тенденция². Однако терминология и исследовательские приемы, выработанные в рамках структурной лингвистики, семиотики культуры и философии языка, зачастую применяют некритически, эклектично совмещая их с традиционными подходами и методами анализа идеологии. Философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал культурно-семиотического подхода к анализу политико-идеологических феноменов до сих пор не тематизированы.

В данной статье автор намечает пути применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте исследований языка политики и идеологических дискурсов. Основной акцент будет сделан на базовых концептах семиотической теории культуры («коммуникация», «граница», «перевод», «метаязык») и их значении для изучения семантического поля политики.

Следует отметить, что проблему идеологии и политического языка Лотман и другие представители Московско-Тартуской школы не рассматривали в качестве центральной и приоритетной, однако есть основания полагать, что разработанную в рамках этого направления методологию анализа языков и текстов культуры можно использовать для описания символического универсума политики.

В начале XXI в., как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и един-

² Один из первых образцов применения семиотической терминологии и методологии к анализу явлений политической жизни можно обнаружить в статье К. Гирца «Идеология как культурная система» [Geertz 1964]. Следует, однако, заметить, что Гирц не ставил перед собой задачу разработать целостную концепцию идеологии.

ственное определение» [Малинова 2003, 30]. В современной исследовательской литературе существует множество трактовок и определений идеологии, ориентированных на различные философские и методологические направления (марксизм и постмарксизм, социология знания, структурализм и постструктурализм, философская герменевтика, семиотика культуры), которые локализованы в разных дисциплинарных и междисциплинарных контекстах (политическая философия, история идей, политическая социология, культурология, политическая лингвистика), что делает актуальной задачу классификации. В контексте данной статьи представляется целесообразным взять за основу классификации критерий проблемного поля.

В философии XX в. присутствуют два мощных полюса притяжения (и отталкивания), которые во многом определяют проблематику и исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук – «сознание» и «язык». Исходя из данного факта, целесообразно выделять подходы и направления, которые рассматривают идеологию преимущественно как форму общественного сознания³, и подходы, предполагающие анализ идеологии как формы языка⁴. В первом случае идеология предстает в качестве социально-когнитивного феномена, а ее концептуализацию осуществляют на стыке социальной философии, эпистемологии и истории идей. Во втором случае идеология мыслится как феномен социально-лингвистический, и концептуализация понятия осуществляется в проблемном поле философии языка, семиотики, политической лингвистики. Наконец, в отдельную, третью группу следует выделить исследования, в рамках которых идеологию рассматривают и как социально-когнитивный, и как лингвистический (дискурсивный) феномен⁵. Преимущество данной классификации, по мнению автора, состоит в том, что здесь трактовки идеологии помещаются в широкий контекст философских и научных исследований.

Исследователи, которые работают в рамках отнесенных к третьей группе подходов, стремятся совместить базовые презумпции лингвистического (и семиотического) поворота с требованиями научной рациональности, примирить методологические крайности лингвоцентризма и конструктивизма, с одной стороны, и научного реализма, с другой. Такая исследовательская стратегия в политических науках потенциально способна дать наиболее плодотворные результаты, однако отмеченная методологическая «двойственность» ставит перед исследователями идеологий ряд трудноразрешимых теоретических проблем⁶. Остановимся на некоторых из них.

³ Помимо анализа идеологии в классическом марксизме и «социологии знания» К. Манхейма, сюда следует отнести теорию «деидеологизации» (Д. Белл, С.М. Липсет, Р. Арон), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, Д. Аптер, Н. Луман) и концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы.

⁴ Здесь в первую очередь следует упомянуть различные постструктуралистские (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр) и постмарксистские (А. Бадью, С. Жижек, Ш. Муфф, Э. Лакло) трактовки идеологии. К этой же группе нужно отнести и критический дискурс-анализ Т.А. ван Дейка.

⁵ В последние десятилетия подход, в рамках которого идеологию рассматривают как гибридный когнитивно-дискурсивно-социальный феномен, получил широкое распространение в работах как западных (М. Фриден, Дж. Балкин), так и отечественных (А.И. Соловьев, Г.И. Мусихин) исследователей (см.: [Freeden 1996; Balkin 1998; Соловьев 2001; Мусихин 2012]).

⁶ Теоретические проблемы, о которых пойдет речь, проявляются на всех уровнях анализа идеологии, в том числе и при изучении массовых политических верований, задающих систему координат коллективного поведения в ту или иную эпоху (уровень социальной психологии). Однако наибольшую остроту данные проблемы приобретают на уровне истории понятий и истории идей, в ходе исследования и сопоставления политических и философско-политических учений, доктрин, систем взглядов. На этом уровне идеологии функционируют не в качестве эклектичного набора убеждений, которые выполняют определенные социальные функции, но в каче-

1. Проблема идентификационных критериев идеологии как системы убеждений и/или типа дискурса. Данная проблема имеет фундаментальное значение для современных социальных и политических наук. Она проявляется как на уровне политической истории и социальной психологии, так и на уровне истории философии и истории политических учений. Суть ее следует сформулировать следующим образом: на каком основании можно отделить идеологию от смежных с ней феноменов и типов дискурса, которые имеют внешнеидеологическую (например, национальную, культурно-языковую, религиозную) природу?

Следует подчеркнуть, что данную проблему не только нельзя решить, но даже поставить в рамках редукционистских подходов (как лингвистического, так и социологического толка). Так, в социологическом редукционизме, представленном, в частности, в марксистских и неомарксистских исследованиях, идеология отождествляется с определенной социальной функцией (выражение классовых интересов, санкционирование порядка господства и подчинения в обществе, маскировка социальных антагонизмов и т.д.). Таким образом, объявляется идеологическим любой комплекс идей и верований, который выполняет данную функцию (независимо от его происхождения и когнитивной специфики). Смещение идеологии с наукой, религией, философией в рамках данного подхода наиболее ярко проявилась в таких концептах советского обществознания, как «религиозная идеология», «буржуазная социология», «реакционная философия» и пр.

Концептуальный контекст лингвистического редукционизма, наиболее последовательно реализованного в работах Р. Барта и У. Эко, также не оставляет возможности отделить идеологию от внешнеидеологических феноменов культуры, поскольку идеология приобретает здесь всеобъемлющий, всепроникающий, диффузный характер.

Отмеченные типы редукционизма сплавляются воедино в постмарксистских трактовках идеологии, которые представлены в работах Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижика. Проблема оснований различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, идеологических и неидеологических практик, социально-философских учений, концепций и доктрин в методологическом горизонте постмарксизма не рассматривается, так как изначально считается иррелевантной.

2. Проблема когнитивной природы идеологии (соотношения идеологии и «общего знания»). Ее можно рассматривать как частный случай проблемы идентификационных критериев. В большей или меньшей степени она занимала всех обращавшихся к понятию идеологии политических теоретиков, но особую остроту данная проблема приобретает в контексте нейтрального подхода к анализу идеологии⁷. Ключевым здесь оказывается вопрос о соотношении и взаимоотношениях идеологии и науки, идеологии и социального знания. При всех оговорках о взаимовлиянии и взаимопроникновении научных знаний и идеологических доктрин, «интерсубъективности» и относительности знания, само когнитивное различие между идеологией и наукой остается незыблемым. Оно сохраняет свое конститутивное значение и для социальных исследований. Следовательно, стоит отметить, что интерпретация науки как одной из форм идеологии означала бы конец научной рациональности (см. [Демин 2015]).

В рамках современных социологических исследований, ориентированных на методологический конструктивизм и конвенционализм, предпринимаются попытки обойти эту

стве идеологических парадигм, структурирующих политическое пространство, раскрывающих символический универсум политики, делающих его понятным, интеллигибельным.

⁷ Коль скоро трактовка идеологии как «ложного сознания» признается иррелевантной, идеология более не может однозначно рассматриваться как антитеза научного познания. О различиях критического и нейтрального подходов к пониманию идеологии см. [Бурсевич 2010].

проблему через противопоставление идеологии не знанию как таковому, а общему (для того или иного социума) знанию [Мусихин 2011, 140]. Недостаточность такой стратегии высвечивает то обстоятельство, что социальные группы, обладающие различными «идентификационными идеологиями», зачастую вкладывают в понятие общего знания совершенно разный смысл, наделяют данным статусом различные (даже взаимоисключающие) комплексы представлений. Как должна решаться проблема «общего знания», если отвергнуты «внешние» (несоциологические, эпистемологические) критерии? Представляется, что ответ на этот вопрос невозможно получить до тех пор, пока сами термины «идеология» и «общее знание» употребляются в усредненно-конвенциональном значении. Нельзя приблизиться к разрешению проблемы когнитивного статуса идеологии, оставаясь в границах конвенционалистского и социологического понимания знания.

3. Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов идеологии. Терминологическая путаница, которая часто сопровождает не только общественно-политические, но и теоретические дискуссии вокруг понятия «идеология», зачастую проистекает из неразличения двух аспектов (философско-парадигмального и социологического) его рассмотрения. Термин «идеология» имеет два различных, хотя и взаимосвязанных значения. Идеология как конкретно-исторический комплекс политически значимых убеждений и верований представляет собой фактор формирования и сохранения групповой идентичности. В отличие от конкретно-исторической идеологии, «идеологическая парадигма», как правило, терминологически отождествляется с тем или иным философско-мировоззренческим «измом» («либерализм», «социализм», «консерватизм», «анархизм» и т. д.). Ее нельзя однозначно «привязать» к какой-либо социальной группе или структуре. Функция такой парадигмы состоит в том, чтобы упорядочить, структурировать все семантическое поле политики, «картографировать» «территорию политического». Конкретно-исторические идеологии тех или иных социальных групп и институтов, как правило, эклектически совмещают в себе элементы различных идеологических парадигм.

Различение упомянутых двух аспектов и ракурсов, конечно, не следует абсолютизировать, но его нельзя и полностью элиминировать. В первом случае происходит идеалистическое гипостазирование абстрактных сущностей, идеологическим универсалиям приписывают транс-исторический характер. Во втором случае политическая жизнь утрачивает какое-либо универсальное измерение, а все категории политической теории приобретают сугубо контекстуальное и конвенциональное значение. Представляется, что в условиях санкционированного конвенционализма и социальным конструктивизмом размывания границ между идеологией и социальным знанием *большую* опасность представляет вторая из отмеченных тенденций. Из этого следует, что различение «вариативного» (социально-исторического) и «инвариантного» (парадигмального) в исследованиях идеологий нуждается в новом концептуальном обосновании.

4. Проблема типологии идеологий. Признание необходимости различать два аспекта идеологии, два ракурса ее рассмотрения актуализирует проблему оснований выделения «базовых» идеологий (идеологических парадигм). Какой критерий должен быть взят за основу типологии идеологий? Искомая типология не может отталкиваться от спекулятивно постулируемых «ценностей» или мировоззренческих «принципов»⁸. Однако полный отказ от поиска

⁸ Следует отметить, что в современных политических исследованиях наиболее распространенным остается подход, в рамках которого идеологии различают по их базовым ценностям. Например, различие между либерализмом и консерватизмом (или либерализмом и социализмом) объясняется тем, что эти идеологии выстраивают различные иерархии политических ценностей, по-разному отвечают на вопрос, какие ценности являются исходными, а какие – производными (см.: [Feldman 2003; Шестопал 2014]).

общего знаменателя содержательно вариативных идеологических позиций, учений и доктрин неизбежно заводит теорию идеологий в тупик социального конвенционализма («консерватизм есть то, что люди, интересующиеся политикой, считают консерватизмом» и т.д.).

Признание необходимости выделять «инвариантное» в многообразии политической жизни выдвигает на первый план вопрос о том, в каком дисциплинарно-методологическом и понятийно-терминологическом контексте можно обосновать типологию идеологий, которая избегает крайностей спекулятивного догматизма и конвенционализма.

5. В качестве частного случая проблемы типологии идеологий следует рассмотреть **проблему объяснения ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации групп и индивидов**. Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что социальные субъекты могут заблуждаться как относительно собственной идеологической идентичности (ошибочная самоидентификация), так и относительно идентичности других субъектов. Так, индивид, который в политической жизни руководствуется либеральным пониманием свободы, государства и права, одновременно может считать себя консерватором и идентифицировать свою идеологическую идентичность как «консервативную» (возможен – и, пожалуй, даже более распространен – обратный пример). Данную проблему порождает методологическая ограниченность конвенционалистского и социологического понимания категории «знание». В горизонте конвенционализма мнение субъекта могут признать ошибочным на том основании, что оно расходится с господствующим, общим, «усредненным» пониманием того, что такое «консерватизм» и «либерализм». Здесь необходимо спросить: может ли общее и усредненное понимание быть ошибочным? Оставаясь в границах социологической трактовки знания и идеологии, на данный вопрос можно дать однозначно отрицательный ответ. Не лишаются ли в этом случае такие термины, как «идеология», «либерализм», «консерватизм» не только универсального (внеконтекстуального) значения, но и вообще какого-либо смысла? Не становятся ли они «означающими без означаемого»?

Дальнейшие рассуждения будут направлены на обоснование тезиса о том, что обозначенные проблемы могут продуктивно обсуждаться в методологическом и терминологическом контексте разработанной Ю.М. Лотманом семиотической теории культуры.

Семиотическую трактовку культуры Лотмана неоднократно анализировали как отечественные [Егоров 1999; Чередниченко 2001; Волкова 2002; Автономова 2009], так и зарубежные [Andrews 2003; Ким Су Кван 2003; Waldstein 2008; Монтичелли 2012] ученые. Она хорошо изучена и востребована в современных социальных и культурологических исследованиях. Кратко остановимся лишь на тех ее положениях, которые позволяют прояснить указанные проблемы и наметить пути их решения.

1. Неустрашимый плюрализм и «полиглотизм» культуры. Принцип языкового плюрализма проявляется на всех уровнях семиотического анализа культуры. «Ситуация множественности языков, – отмечал Лотман, – исходна, первична» [Лотман 2010а, 13]. Различные языки культуры «как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы» [Лотман 2010а, 13]. Положение о множественности сосуществующих, накладывающихся друг на друга и/или граничащих друг с другом языков культуры – не просто эмпирическая констатация. Оно приобретает характер фундаментальной методологической презумпции: «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир» [Лотман 2010а, 13].

Методологический плюрализм лотмановской концепции культуры обусловлен тем обстоятельством, что «единственное явление не может иметь своеобразие, которое требует хотя бы двух сопоставляемых систем» [Лотман 1992б, 388].

2. Культурная коммуникация как пересечение семиотических границ и поиск общего языка. В рамках полиглотической модели культуры пересматривается одно из ключевых понятий социально-гуманитарных наук – понятие коммуникации. Коммуникация более не предполагает наличия одного, общего для коммуницирующих сторон, языка, напротив – именно ситуация изначального многоязычия делает коммуникацию возможной и необходимой. Всякая коммуникация – не что иное, как выход вовне, за границы наличного языка, коммуникация предполагает переход семиотической границы (см. [Демин 2018]).

3. Перевод как универсальный компонент человеческого мышления. Любая форма знаковой коммуникации предполагает и включает в себя акт перевода, который Лотман определяет как «элементарный акт мышления» [Лотман 1996, 193].

Семиосферу характеризует не только множественность языков, но и их принципиальная разнородность. Языки культуры различны по своей природе, происхождению, семантическим, синтаксическим и прагматическим параметрам. Соотношение разнородных языков семиосферы Лотман толкует и описывает в терминах теории перевода. Диапазон возможных способов соотнесенности языков простирается от полной взаимной переводимости до полной непереводимости. Данные модели взаимоотношений языков находятся на противоположных полюсах, и в реальной культурной коммуникации они никогда не реализуются в чистом виде⁹. Принципиально, что понятие перевода оказывается ключевым не только для описания языков внутри одной культуры, но и для прояснения соотношения символических универсумов разных культур. Оппозицию семиотического и несемиотического (внеязыкового) Лотман заменяет оппозицией переводимого и непереводимого¹⁰.

4. Соотношение языка и текста. В семиотике культуры Лотмана различаются две модели, которые по-разному описывают соотношение языка и текста. В моделях культурной коммуникации, которые тяготеют к полюсу полной взаимопереводимости (ситуация, характерная для искусственных языков), язык предшествует тексту, а текст представляется манифестацией возможностей наличной языковой системы. На противоположном полюсе (полная взаимонепереводимость), к которому тяготеют «поэтические» языки, соотношение языка и текста переворачивается. Отправным пунктом здесь становится уже не язык, но текст. Последний всегда «богаче и сложнее любого из языков, поскольку представляет собой устройство, в котором сталкиваются и соплагаются языки» [Лотман 2010б, 582]. Текст культуры здесь выступает как «резерв полиглотизма» и генератор не только новых культурных смыслов, но и новых языков¹¹.

5. Язык и метаязык. Всякая культура продуцирует не только гетерогенные языки и тексты, но и метаязыки. Посредством метаязыков культура осуществляет саморефлексию, генерирует самоописания и самообъяснения: «Каждый вид культуры создает свою концепцию культурного развития, то есть типологию культуры» [Лотман 1992б, 386]. Метаязыки составляют «необходимое условие семиотического функционирования» языковых систем. «Только с их помощью системы сознают себя и осознают себя как целостности»

⁹ Ситуацию абсолютной тождественности языка (кода), делающую перевод избыточным, и ситуацию абсолютной непереводимости, делающую перевод невозможным, следует рассматривать как два противоположных полюса, между которыми локализуется все многообразие коммуникативных культурных практик.

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Франк 2012]. Если воспользоваться терминологическим различием, которое Ю. В. Шатин, вслед за Д. Дили, проводит между «семиотикой» и «семиологией», то окажется, что для семиотической модели культуры Лотмана в большей степени подходит термин «семиология» (см.: [Шатин 2015, 13; Дили 2014]).

¹¹ Общая семиотическая закономерность, работающая на всех уровнях языкового общения, состоит в том, что чем более чужды друг другу языки, чем более они разнородны, тем потенциально больший новаторский эффект может быть достигнут в результате перевода.

[Лотман 2010б, 588]. Функция метаязыковых структур состоит в том, что они доорганизуют «гетерогенный семиотический мир, частично переводя его на свой язык, частично исключая из своих пределов» [Лотман 2010б, 588]¹².

В данном пункте становится отчетливо видна центральная методологическая проблема, с которой сталкивается семиотическая теория культуры. С одной стороны, метаязык (язык описания) не может быть «отделен от языка культуры того общества, к которому принадлежит сам исследователь» [Лотман 1992б, 387], а потому составляемая им типология всегда «характеризует не только описываемый им материал, но и культуру, к которой он принадлежит» [Лотман 1992б, 387]. С другой стороны, в семиотике культуры выдвигается задача создания «единообразной системы метаязыка, которая ни для одной из частей описания не совпадала бы с языком объекта (как это имело место во всех предшествующих типологиях культуры, в которых язык последнего синхронного среза культуры неизменно выступал в качестве метаязыка всего описания)» [Лотман 1992б, 388].

Научная типология не может обойтись без выделения универсалий культуры, а последние, в свою очередь, предполагают такой метаязык, который не совпадает с языком изучаемого объекта. Лотман предпринимает попытку построения такого метаязыка на основе пространственных моделей, в частности, аппарата топологии. Он исходит из того, что «всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах» [Лотман 1992б, 406]. Различные типы культур по-разному структурируют пространство, генерируют несовпадающие (или даже несовместимые) пространственные структуры картины мира. Общим для них, однако, остается то обстоятельство, что их можно описать и соотносить при помощи пространственных (или квазипространственных) терминов и семантических оппозиций («внешнее – внутреннее», «мы – они», «верх – низ», «центр – периферия», «организованное – неорганизованное» и т.д.).

Следует остановиться на еще одном принципиальном положении семиотики культуры. Согласно Лотману, «чем глубже ситуация неперевода между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентностей» [Лотман 1992а, 169]. Таким метаязыком может быть только язык самой семиотики культуры, который стремится отыскать инвариантное в вариативном, соотносить внешне различные, но структурно изоморфные феномены. Означает ли сказанное, что семиотика выводит собственный язык и используемую понятийную сетку за пределы культуры и истории? На данный вопрос следует ответить отрицательно в связи с тезисом о том, что метаязыковые (в том числе типологические) описания культуры не имеют внешний характер по отношению к «тексту культуры», их генерирует сама культура, они – ее неотъемлемые структурные компоненты. Однако Лотман не делает из данного положения релятивистских выводов. Семиотика культуры не предполагает уравнивания когнитивного статуса всех типов метаязыков и «постмодернистского» низведения науки до уровня одной из «культурных практик», одного из многих языков описания (см. [Кнабе 1995]). Научное (семиотическое) описание культуры, основанное на применении понятийного аппарата топологии, обладает «привилегированным» эпистемологическим статусом, поскольку оно, удерживая реальные различия языков, позволяет в то же время отвергнуть релятивистскую идею о несоизмеримости (абсолютной непереводаемости) культур.

Теперь можно обратить внимание на то, какой смысл приобретает каждая из обозначенных проблем современной теории идеологий в контексте семиотики культуры.

¹² Подробнее о категории «самописание» в семиотике Лотмана см. [Монтичелли 2012].

1. Осмысление проблемы идентификационных критериев идеологии в культурно-семиотической оптике предполагает сопоставление идеологических и неидеологических (например, научных, религиозных) способов концептуализации политики.

Отталкиваясь от идеи неустранимого языкового плюрализма культуры, можно заключить, что идеологию в любую историческую эпоху ее развития нельзя рассматривать в качестве единственного источника политических смыслов, единственно возможной модели политической реальности. Идеология может быть господствующим способом концептуализации политической жизни, но она никогда не выступает единственным «кодом доступа», который раскрывает измерение политики. Данное замечание позволяет, помимо прочего, понять сущностно исторический характер самого феномена идеологии, идеологического моделирования социальной действительности. Наряду с идеологией существуют (по крайней мере потенциально, в качестве непроявленных возможностей) иные способы концептуализации политики (мифология, религия, наука). Выявление идентификационных критериев (то есть семиотической специфики) идеологии возможно не иначе как через ее сопоставление с иными «символическими формами» культуры.

2. Проблему когнитивного статуса идеологии и «общего знания» в горизонте культурно-семиотического подхода можно частично прояснить путем введения понятия «фоновая идеология».

Приведем некоторые примеры функционирования фоновой идеологии. Современная теория государства и права, а также и современная политология в значительной мере опираются на идеологические презумпции классического либерализма (принцип разделения властей, равенство всех перед законом, идея неотъемлемых прав человека, различение «демократических», «авторитарных» и «тоталитарных» политических режимов и т.д.) и используют язык либеральной идеологической парадигмы в качестве идеологически нейтрального метаязыка [Демин 2017]. Не менее яркие примеры подмены научных терминов идеологическими концептами можно обнаружить и в языке советского обществознания. Однако из того, что некоторые свойственные идеологиям презумпции в определенном историческом контексте большинство (или даже все члены общества, включая специалистов в области социальных наук) начинают рассматривать в качестве самоочевидных аксиоматических истин, не следует, что они утрачивают свой специфически идеологический характер. Не всякий комплекс представлений, функционирующий в культуре в качестве «общего знания», можно признать идеологически нейтральным. Однако различие между идеологизированным и неидеологизированным общим знанием ускользает от теории идеологии, ориентированной на конвенционалистскую трактовку категории знания.

Феномен «фоновой идеологии» репрезентирует важную черту, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом. Любая идеология имплицитно тяготеет к отождествлению собственного языка с метаязыком политики, то есть языком политической науки¹³. Идеология не только «картографирует» территорию политического, но и генерирует самоописания и описания иных, альтернативных идеологий. «Чужие» идеологии непрестанно «перетолковываются» на языке своей. В структуру всякой идеологии встроена такой механизм «перевода». Проблема соотношения идеологии и общего знания в контексте семиотически ориентированной теории приобретает центральное значение и трансформируется в проблему перевода (с языка одной идеологической парадигмы на язык другой)¹⁴.

¹³ В этой связи идеология может быть охарактеризована как квази-наука, а язык идеологии – как квазинаучный.

¹⁴ Вопрос о возможности, специфике и критериях успешности перевода текстов с языка одной идеологической парадигмы на язык другой заслуживает отдельного рассмотрения. Выскажем лишь некоторые предва-

3. Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов функционирования идеологии в оптике культурно-семиотического подхода можно описать при помощи терминов «язык», «текст», «дискурс».

Термин «идеологическая парадигма» в контексте семиотического подхода указывает на «твердое ядро» политического языка, фиксирует те смыслы, которые не находят адекватного выражения в языковом пространстве альтернативной идеологической модели.

Всякий значимый идеологический текст (политический трактат, манифест) использует ресурсы идеологических парадигм, принимая тот или иной язык в качестве базового или проводя их «синтез». В свою очередь политические тексты способны трансформировать существующие – и даже порождать новые – политические языки.

Важно подчеркнуть, что различие между социально-историческим и парадигмальным аспектами идеологии в горизонте культурно-семиотической теории нельзя свести к традиционному различению двух уровней функционирования идеологического сознания – «массового», который изучают в рамках социологии и социальной психологии, и «философско-теоретического», рассматриваемого в контексте истории политических учений и «истории понятий». Если понимать под идеологической парадигмой упорядочивающую схему социальной реальности, структуру политического универсума, а не просто набор фундаментальных политических убеждений, окажется, что парадигмальный аспект имплицитно присутствует на всех уровнях политической жизни и политического действия. Он присутствует в том числе и в дорефлексивных практиках повседневной жизни, а не только в теоретических трактатах по философии политики.

4. Различие между идеологическими парадигмами в оптике семиотики культуры предстает как различие в способах структурирования политического пространства. Идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) репрезентируют различные модели социальной действительности («социальные онтологии»), каждая из которых по своему «картографирует» территорию политического. Границы и ориентиры, которые представляются наиболее значимыми в рамках одной идеологической парадигмы, могут оказаться второстепенными или вовсе незначительными в контексте другой. Здесь можно воспользоваться аналогией с географическими картами. Идеологические парадигмы можно уподобить различным типам географических карт (физические, демографические, климатические). Развивая данную аналогию, стоит отметить, что карты одного типа могут иметь разный масштаб, и наоборот, разнотипные карты могут быть одномасштабными.

Содержательные различия между идеологическими парадигмами нельзя свести к различиям в построении иерархии политических ценностей (свобода, равенство, справедливость, собственность, толерантность и т.п.). Различия ценностных ориентаций, на которых традиционно акцентируют внимание политические науки, являются производным. Исходными же представляются различия в идеологическом структурировании социальной действительности, стратегиях ее интерпретации. Иными словами, политическая аксиология всегда имплицитно отсылает к политической онтологии и эпистемологии. В данной особенности, по мнению автора, и состоит одно из наиболее значимых открытий современной семиотически ориентированной теории идеологии.

рительные соображения в этой связи. Всякая базовая идеология имеет склонность подводить альтернативные и враждебные ей идеологические модели под общий знаменатель, сближать их, видеть в них лишь количественные, а не качественные различия. Так, в оптике либерализма коммунистические, социалистические, фашистские идеологические доктрины подводятся под общий знаменатель «коллективистского, закрытого общества». Марксистская идеологическая парадигма отрицает (или, по крайней мере, преуменьшает, затушевывает) принципиальные мировоззренческие различия между консервативными политическими теориями и либерализмом («буржуазной» идеологией).

5. Проблема ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации, в конечном счете, сводится к построению семиотически корректной типологии идеологий, основанной на выявлении инвариантных, парадигмальных идеологических структур в многообразии политических дискурсов. Феномен ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации можно объяснить тем обстоятельством, что структуры идеологии (базовые презумпции, семантико-аксиологические оппозиции, правила интерпретации) на уровне массовой политики, как и структуры языка на уровне повседневного словоупотребления, по большей части остаются скрытыми и непрозрачными.

Вывод заключается в том, что значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для политических наук состоит в возможности зафиксировать и описать семиотическое единство и в то же время неустранимое языковое многообразие политической семиосферы. Контекст семиотики культуры позволяет раскрыть семантическую специфику, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом, и в то же время выработать аппарат сравнительного описания различных идеологических моделей (фоновых идеологий).

В отличие от ряда постструктуралистских (Р. Барт) и постмарксистских (Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижек) направлений, также ориентированных на анализ языка идеологий, семиотика культуры Лотмана препятствует размыванию границ между идеологией и наукой, смещению и сплавлению политических исследований с политической практикой – иными словами, она позволяет избежать релятивистских следствий того, что в постметафизической философии именуется «практическим поворотом».

Описание семантического поля политики с помощью терминов «граница», «перевод», «метаязык» позволяет если не разрешить, то, по крайней мере, обойти проблему референции (соотношения политического языка и политической реальности), которая была камнем преткновения для большинства философско-политических теорий XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н.С. (2009) Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОС-СПЭН. 192 с.
- Бурсевич В.В. (2002) Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестник ПГУ. Серия. Гуманитарные науки. № 1. С. 95–100.
- Волкова Е.В. (2002) Пространство символа и символ пространства в работах Ю. М. Лотмана // Вопросы философии. № 11. С 149–164.
- Демин И.В. (2015) Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 146–153. DOI: 10.5862/JHSS.215.19
- Демин И.В. (2017) Критика идеологии прав человека в политической философии Алена де Бенуа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». № 2. С. 81–96.
- Демин И.В. (2018) Понятие границы в семиотике культуры Ю.М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник. № 3. С. 243–249. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10085.
- Дили Д. (2014) Литературная семиотика и доктрина знаков // Критика и семиотика. № 1. С. 18–29. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22307057_98185555.pdf).
- Егоров Б.Ф. (1999) Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение. 384 с.
- Ким Су Кван (2003) Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение. 176 с.
- Кнабе Г.С. (1995) Знак. Истина. Круг (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // В: Лотмановский сборник. Т. 1. М.: «ИЦ – Гарант». С. 266–278.

Лотман Ю.М. (1992а) Риторика // В: Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин: «Александра». С. 167–183.

Лотман Ю.М. (1992б) О метаязыке типологических описаний культуры // В: Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин: «Александра». С. 386–406.

Лотман Ю.М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры. 464 с.

Лотман Ю.М. (2010а) Культура и взрыв // В: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. С. 12–148.

Лотман Ю.М. (2010б) Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // В: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. С. 580–589.

Малинова О.Ю. (2003) Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. № 4. С. 8–30. (<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ideologii-v-sovremennyh-politicheskikh-issledovaniyah/viewer>).

Монтичелли Д. (2012) Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // Новое литературное обозрение. № 3. С. 40–55. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18756/).

Мусихин Г.И. (2011) Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. № 5. С. 128–144. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16985221_87570016.pdf).

Мусихин Г.И. (2012) Идеология и культура // Полис. Политические исследования. № 1. С. 53–62. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17282447_76802041.pdf).

Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: Коллективная монография (2018) Отв. ред. И.В. Демин. Самара: Самар. гуманитар. акад. 270 с.

Соловьев А.И. (2001) Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. № 2. С. 5–23. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078458_59223916.pdf).

Франк С.К. (2012) Взрыв как метафора культурного семиозиса // Новое литературное обозрение. № 3. С. 12–30. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18754).

Чередниченко И.В. (2001) Структурно-семиотический метод Тартуской школы: Монография. СПб.: Золотой век. 200 с.

Шагин Ю.В. (2015) Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. № 2. С. 10–17. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357903_39463632.pdf).

Шестопал Е.Б. (2014) Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. № 2. С. 61–71. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21262670_43446175.pdf).

Andrews E. (2003) Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition. Toronto: University of Toronto Press. 204 p.

Balkin J.M. (1998) Cultural Software: A Theory of Ideology. New Haven: Yale University Press. 335 p.

Feldman S. (2003) Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // In: Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford: Oxford University Press. Pp. 477–508.

Freeden M. (1996) Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press. 603 p.

Geertz C. (1964) Ideology as a Cultural System // In: Ideology and Discontent. Ed(s): D. Apter. New York: Free Press. Pp. 47–76.

Waldstein M. (2008) The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Muller. 219 p.

REFERENCES

- Andrews E. (2003) *Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition*. Toronto: University of Toronto Press. 204 p.
- Avtonomova N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow: ROSSPEN. 192 p.
- Balkin J.M. (1998) *Cultural Software: A Theory of Ideology*. New Haven: Yale University Press. 335 p.
- Bursevich V.V. (2010) Kriticheskiy i neytral'nyy podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyy analiz [Critical and Neutral Approaches to the Study of ideology: A Comparative Analysis]. *Vestnik PGU*. no. 1, pp. 95–100.
- Cherednichenko I.V. (2001) *Strukturno-semioticheskiy metod Tartuskoj shkoly* [Structural-Semiotic Method of the Tartu School]. Saint-Petersburg: Zolotoj vek. 200 p.
- Demin I.V. (2015) Problema sootnosheniya ideologii i nauki v sovremennoy epistemologii [The Problem of the Correlation between Ideology and Science in Modern Epistemology]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. no. 1, pp. 146–153. DOI: 10.5862/JHSS.215.19.
- Demin I.V. (2017) Kritika ideologii prav cheloveka v politicheskoy filosofii Alena de Benua [Criticism of the Ideology of Human Rights in the Political Philosophy of Alain de Benoit]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoy akademii*. no. 2, pp. 81–96.
- Demin I.V. (2018) Ponyatie granitsy v semiotike kul'tury Yu.M. Lotmana [The Concept of Boundaries in Lotman's Semiotics of Culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*. no. 3, pp. 243–249. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10085.
- Dili D. (2014) Literaturnaya semiotika i doktrina znakov [Literary Semiotics and the Doctrine of Signs]. *Kritika i semiotika*. no. 1, pp. 18–29. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22307057_98185555.pdf).
- Egorov B.F. (1999) *Zhizn' i tvorchestvo Yu. M. Lotmana* [The Life and Work of Yu. M. Lotman]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.
- Feldman S. (2003) Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. In: *Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 477–508.
- Frank S.K. (2012) Vzryv kak metafora kul'turnogo semiozisa [Explosion as a Metaphor for Cultural Semiosis]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 3, pp. 12–30. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18754).
- Freeden M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press. 603 p.
- Geertz C. (1964) Ideology as a Cultural System. In: *Ideology and Discontent*. Ed(s): D. Apter. New York: Free Press. Pp. 47–76.
- Kim Su Kvan (2003) *Osnovnye aspekty tvorcheskoy evolyutsii Yu. M. Lotmana: «ikonichnost'», «prostranstvennost'», «mifologichnost'», «lichnostnost'»* [The Main Aspects of the Creative Evolution of Yu. M. Lotman: “Iconicity”, “Spatiality”, “Mythologicity”, “Personality”]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 176 p.
- Knabe G.S. (1995) Znak. Istina. Krug (Yu. M. Lotman i problema postmoderna) [Sign. Truth. Circle (Yu. M. Lotman and the Postmodern Problem)]. In: *Lotmanovskiy sbornik*. vol. 1. Moscow: «IC – Garant». Pp. 266–278.
- Lotman Yu.M. (1992a) Ritorika [Rhetoric]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. 1. Tallinn: «Aleksandra». Pp. 167–183.
- Lotman Yu.M. (1992b) O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury [On the Metalanguage of Typological Descriptions of Culture]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. 1. Tallinn: «Aleksandra». Pp. 386–406.
- Lotman Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. 464 p.

Lotman Yu.M. (2010a) Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. Pp. 12–148.

Lotman Yu.M. (2010b) Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyy intellekt [Brain – Text – Culture – Artificial Intelligence]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. Pp. 580–589.

Malinova O.Yu. (2003) Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniyakh [The Concept of Ideology in Contemporary Political Studies]. *Politicheskaya nauka*. no. 4, pp. 8–30. (<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ideologii-v-sovremennyh-politicheskikh-issledovaniyakh/viewer>).

Montichelli D. (2012) Samoopisanie, dialog i periferiya u pozdnego Lotmana [Self-Description, Dialogue and Periphery in the Late Lotman]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 3, pp. 40–55. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18756).

Musikhin G.I. (2011) Diskursivnyy analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Discourse Analysis of Ideologies: Opportunities and Limitations]. *Polis. Political Studies*. no. 5, pp. 128–144. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16985221_87570016.pdf).

Musikhin G.I. (2012) Ideologiya i kul'tura [Ideology and Culture]. *Polis. Political Studies*. no. 1, pp. 53–62. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17282447_76802041.pdf).

Semioticheskiy povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyy kontekst [Semiotic Turn in Social and Humanitarian Knowledge: Origins, Prerequisites, Cultural Context] (2018) Ed(s): I.V. Demin. Samara: Samar. Gumanit. Akad. 270 p.

Shatin Yu.V. (2015) Semiotika vs semiologiya: k voprosu o polnote znakovoy teorii [Semiotics vs Semiology: About Completeness of the Theory of Signs]. *Kritika i semiotika*. no. 2, pp. 10–17. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357903_39463632.pdf).

Shestopal E.B. (2014) Tsennostnye kharakteristiki rossiyskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany [Value Characteristics of the Russian Political Process and the Country's Development Strategy]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 61–71. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21262670_43446175.pdf).

Solovyev A.I. (2001) Politicheskaya ideologiya: logika istoricheskoy evolyutsii [Political Ideology: The Logic of Historical Evolution]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 5–23. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078458_59223916.pdf).

Volkova E.V. (2002) Prostranstvo simvola i simvol prostranstva v rabotakh Yu. M. Lotmana [The Space of the Symbol and the Symbol of Space in the Works of Yu. M. Lotman]. *Voprosy filosofii*. no. 11, pp. 149–164.

Waldstein M. (2008) *The Soviet Empire of Signs: A history of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken: VDM Muller. 219 p.

Информация об авторе

Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Адрес: ул. Московское шоссе, д. 34, Самара, 443086. E-mail: ilyadem83@yandex.ru

About the author

Ilya V. Demin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University Address: 443086, Samara, Moskovskoye shosse Street, 34. E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 31.01.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 11.05.2022